

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОВЛАДЕНИЯ СЕМАНТИКОЙ СЛОВ ВТОРОГО ЯЗЫКА

А. ЯЦИКЯВИЧЮС

Каждый язык имеет собственную систему знаков, обозначающих определенное содержание. Эти знаки, по терминологии И. П. Павлова, сигналы второй сигнальной системы, бывают трех видов: *слышимые* сигналы (звуки и комплексы звуков), *видимые* сигналы (письменные знаки) и *кинестетические* сигналы, возникающие от движений артикуляционного аппарата и пицущей руки. В изучении второго языка необходимо усвоить эту сложную систему знаков-сигналов. Содержание знаков составляет семантическую сторону языка. В овладении вторым языком в памяти человека фиксируются не только новая система языковых знаков, но и новые способы связи этих знаков с определенным содержанием.

Усвоение семантической стороны языка является сложным прежде всего потому, что между знаками и содержанием, которое они обозначают, довольно часто встречаются неоднозначные связи. В системе одного языка отдельные слова могут иметь разные значения и одинаковые значения выражаются различными словами. Кроме того, исторически сформировавшаяся система языковых знаков меняется значительно медленнее, чем содержание человеческого познания, поэтому постоянно приходится приспосабливать старую систему знаков для оформления и выражения нового мыслительного содержания. Психологически это значит, что в речевой деятельности необходимо не только воспроизводить ранее зафиксированные в памяти связи между знаками и содержанием, но и образовывать связи между новым содержанием и известными знаками. Образование этих новых связей возможно только на основе знания общих закономерностей соотношений знаков и содержания в системе данного языка.

Сравнивая системы знаков каких-либо двух языков, мы наблюдаем не только одинаковые, но и различные способы связи между обозначающим и обозначаемым. Б. В. Ёляев правильно указывает, что значения адекватных слов в различных языках соотносятся примерно так, как в логике сравнимые понятия по объему: т. е. между ними могут быть отношения равнозначности, субординации, перекрещивания или взаимного исключения. Если между значениями слов в различных языках таких различий не было бы, то для усвоения второго языка достаточно было бы усвоить знаки нового языка в переводе на знаки родного языка. В таком случае усвоение нового языка в сущности не отличалось бы от усвоения азбуки Морзе и вопрос об усвоении семантики нового языка в процессе

обучения не имел бы существенного значения. Поскольку в разных языках значения отдельных слов и словосочетаний часто не совпадают, возникает вопрос о закономерностях усвоения семантики нового языка.

Закономерности усвоения семантики родного языка широко исследовались психологами в развитии психики в детском возрасте. Установлено, что первые значения детских слов во многом отличаются от значений этих же слов у взрослых. Только постепенно семантика детской речи приближается к общепринятой, объективной семантике языка¹.

Второй по порядку изучения язык тоже имеет свою *объективную* семантику, а отображение этой объективной семантики в психике обучающихся индивидов можно называть *субъективной* семантикой изучаемого языка. Усвоение объективной семантики будет зависеть от методики семантизации языковых знаков в процессе обучения, от закономерностей их запоминания и воспроизведения обучающимся, от его речевой практики, от влияния семантики родного языка и других факторов. Эти факторы определяют субъективную семантику усваиваемого языка.

Для общения и взаимопонимания при помощи языка необходимо, чтобы собеседники примерно одинаково понимали значения речевых сигналов. Поэтому в обучении языкам важно, чтобы семантика нового языка обучающихся как можно меньше отличалась от объективной семантики этого языка. Но для этого прежде всего надо знать, чем именно она отличается.

В психологии обучения иностранным языкам от самого ее зарождения широко исследовались и исследуются закономерности запоминания и воспроизведения отдельных слов. Однако все эти исследования были организованы так, что они давали упрощенный образ формирования семантики речи. В экспериментах образовывались двухчленные связи между словом нового языка и соответствующим объектом или связи между словом нового языка и словом родного языка. После определенного интервала времени проверялись возможности воспроизведения этих связей. Прежде всего в этих экспериментах почти не обращалось внимание на многозначность слов. Во-вторых, в усвоении языка значения слов усваиваются не только путем первичной семантизации, но и другими способами: по контексту, на основе закономерностей словообразования, при помощи языковых гипотез. Эти последние способы усвоения не дают таких точно определенных знаний о значении языкового знака, какие учащиеся получают в объяснениях учителя или находят в словаре. Кроме того, нам известно, что существуют общие закономерности человеческой памяти, согласно которым при запоминании слов другого языка бывает и частичное забывание и реконструкция запомненного в воспроизведении. Таким образом, теоретический анализ показывает, что между словами-знаками нового языка и значениями должны существовать в памяти усваивающих более сложные связи, чем показанные в упомянутых экспериментах.

Целью нашего исследования было выяснение особенностей семантики второго — русского языка, зафиксированной в процессе обучения в памяти литовских студентов и учащихся средних школ.

Для выяснения этих особенностей мы провели экспериментальное исследование. Мы составили список русских слов, в который входили часто употребляемые многозначные слова (например, «сдача», «тонкий», «заглаживать») и реже употребляемые однозначные слова (напр., «селе-

---

¹ С психологической точки зрения в усвоении языка целесообразно общепринятую, исторически сформировавшуюся семантику данного языка называть *объективной семантикой*, а отображение этой объективной семантики в развитии индивидуальной речи — *субъективной семантикой*.

зенка», «чешуя»). Кроме того, в список были включены и слова русского языка, не имеющие прямых эквивалентов на литовском языке (напр., «явочный», «справочник», «горбыль»). Этот список мы предъявляли испытуемым с инструкцией не просто перевести эти слова на литовский язык, но и указывать все возможные значения данных слов. В инструкции также указывалось, что в тех случаях, когда значение какого-либо слова не будет известно, надо указывать приблизительное значение и сомнения о возможном значении. Испытуемые были студенты I курса Шяуляйского педагогического института:

В состав одной группы входили студенты специальности русский язык и литература, в состав других — студенты других специальностей.

В дополнительных экспериментах, которые проводились индивидуально с каждым испытуемым, участвовали ученики средних школ и студенты. Они переводили не изолированные слова русского языка, а полные предложения с русского языка на литовский. Всего было исследовано около 4000 случаев воспроизведения значений слов усваиваемого второго — русского языка.

* *
*

Участвовавшие в основных опытах студенты I курса показали различные степени усвоения значений слов русского языка в зависимости от выбранной ими специальности. Наилучшие результаты показала группа студентов специальности русский язык и литература, на втором месте — группа студентов специальности литовский язык и литература и на последнем — группа специальности педагогика и психология дошкольного воспитания.

Прежде всего не для всех слов русского языка было указано значение: часть значений была забыта или вообще не встречалась в опыте испытуемых, и поэтому вместо перевода русских слов на литовский язык у испытуемых возникал вопрос о значении данного слова. Указанные значения слов русского языка делятся на указанные категорически и указанные гипотетически.

Было установлено, что чем больше испытуемые знали значений слов русского языка, тем меньше у них возникает сомнений в их правильности, и наоборот — чем меньше усвоено значений, тем большее их количество находится на гипотетическом уровне. Студенты специальности русский язык и литература главным образом брали под сомнение только переводы таких слов русского языка, которые не имеют прямых эквивалентов в литовском языке, напр., «явочный», «горбыль», «огласка», а студенты спец. дошкольное воспитание сомневались в значении довольно часто употребляемых слов, напр., «пшеница», «провал», «толк» и других.

Все значения слов русского языка, указанные испытуемыми, подразделяются на точные и неточные значения. Точно указанными мы считали только такие значения, которые совпадают по объему, как равнозначные понятия в логике. Чаще вполне точно указывались только значения однозначных слов русского языка (напр., «пшеница» — «kviečiai», «подлог» — «suklastojimas» и т. п.). В многозначных словах чаще указывалось только одно значение. Напр., «лавочка» на русском языке имеет три значения: «suolelis», «krautuvėlė», «nedora kompanija». Многие испытуемые указали только первое значение — «suolelis», часть из них — только второе значение — «krautuvėlė», но никто не указал всех значений этого слова.

Среди неточных значений прежде всего выделяются ошибочные значения. Чаще всего они возникают на основе ошибочных языковых

аналогий и гипотез. Напр., слово «лукавый» некоторые испытуемые переводили на литовский язык словами «svogūnų spalvos», «svogūnuotas», «svogūniškas» (на основе внешнего сходства слова «лукавый» со словом «лук»). Редко употребляемое слово «селезенка» переводилось словами «šašarėlė» (ошибочная аналогия со словом «слеза»), «silkutė» (ошибочная аналогия со словом «сеledка»), «verkėnė» (тоже аналогия со словом «слеза») и т. п. Ошибочные значения по другим причинам в наших опытах не встречались.

Второй вид неточных значений — расширенные значения слов второго языка. Крайние случаи таких расширенных значений нами были установлены в индивидуальных опытах с учащимися средних школ. В ассоциативном эксперименте на русском языке некоторые ученики XI класса не знали значения слова «чешуя» и не ответили на него другим словом. Мы предложили им гадать, что это слово может обозначать. Приведем характерные высказывания трех испытуемых.

Исп. М. У. — Чешуя? Не знаю. Какое-то живое существо. Никак я не могу поймать его, все выскальзывает, как рыба.

Исп. В. Б. — Что за слово? Не значит ли оно шкуру какую-то? Может быть, это шкура медузы? Слизистая какая-то.

Исп. И. Д. — Чешуя? Кажется, что-то с рыбой связано, что-то блестящее.

Приведенные ответы показывают, что слово «чешуя» у этих испытуемых не имеет прямой связи ни с адекватным литовским словом «žvūpai», ни с точно определенным понятием, но оно уже не является знаком, не имеющим никакого значения. Все ответы испытуемых более или менее касаются области, связанной с действительным значением этого слова («рыба», «шкура», «медуза», «слизистая», «блестящее»), хотя никакого контекста, по которому можно было бы отгадать значение этого слова, не было. Конечно, эти случаи можно было бы связывать и с явлениями телепатии, но другие наши опыты убедительно показывают, что слова второго языка с расширенными, более общими значениями, — реальное, часто встречающееся явление. Так, напр., многие ученики средних школ слово «пшеница» в предложении переводили словами «javai». Мы думали, что это более общее значение является результатом языковой гипотезы по контексту, но почти такие результаты показали и наши студенты, которые это слово переводили вне контекста. Группа студентов спец. педагогика и психология дошкольного воспитания указала значение слова «пшеница» следующим образом: «kviėčiai» — 16 студентов (точное значение), «javai» — 10 студ. (расширенное значение), «grūdai» — 1 студ. (расширенное значение), «kruopos» — 3 студента (расширенное значение). Итак, слова с расширенными значениями существуют в памяти лиц, усваивающих второй язык. Причины такого расширения, нам кажется, две: 1) частичное забывание (по законам забывания в памяти чаще остается более общее); 2) семантизация по контексту, где ученикам трудно было уловить конкретное значение в контексте воспринимаемых незнакомых слов.

Третий вид неточных значений — суженные значения. Этот вид встречается очень часто. Мы уже раньше отметили, что наши испытуемые, объясняя значения многозначных слов русского языка, чаще всего указывали только одно, реже — два значения слов, которые объективно имеют четыре и более значений. Напр., русское слово «тонкий» (по словарю Х. Лемхенаса) имеет шесть значений: «laibas», «plonas», «smulkus», «švelnus», «subtilus», «aštrus». Испытуемые чаще всего указывали только одно значение «plonas» (90%). Слово «вид» имеет значения: «išogė»,

«išvaizda», «veidas», «reginys», «vaizdas», «pavidalas», «forma», «gūšis», «veikslas». Большинство испытуемых указывали одно значение «gūšis» или два значения «gūšis» и «išgorė». По нашим данным, почти все многозначные слова русского языка у наших испытуемых не имеют точного полного значения, а находятся на уровне суженного значения. В экспериментах мы этого не проверяли, но можно предполагать, что в узнавании слов в контексте испытуемые могли бы указать больше значений тех же слов.

В усвоении значений слов у отдельных испытуемых наблюдаются большие индивидуальные различия. Они состоят не только в том, что одни испытуемые имеют больший, другие меньший запас слов второго языка, но, в особенности, в том, что одни и те же слова ими понимаются по-разному. Напр., 50 студентов переводили слово «провал» и дали всего 36 вариантов, переводя это слово на литовский язык: „nesėkmė“ — 2 студ., „pravaikšta“ — 2, „perversmas“ — 1, „persilaužimas“ — 1, „nurito“ — 2, „nesilaikymas“ — 1, „neišlaikė“ — 1, „susimovė“ — 1, „išvijimas“ — 2, „pravyti“ — 2, „kritimas“ — 1, „neišlaikymas“ — 1, „pralūžti“ — 1, „sudegimas“ — 1, „prasmegimas“ — 2, „įgriuvimas“ — 2, „giluma“ — 1, „duobė“ — 1, „skardis“ — 1, „dauba“ — 1, „griovys“ — 1, „bedugnė“ — 1, „dingimas“ — 1, „gylis“ — 1, „praraja“ — 1, „pavarymas“ — 2, „griūtis“ — 1, „neišpildė“ — 1, „susimovimas egzamine“ — 1, „praginimas“ — 1, „įsiskolinimas“ — 1, „prapultis“ — 2, „pralaimėjimas“ — 1, „proskyna“ — 1, „neprasisekimas“ — 1 и 6 студентов не указали никакого значения. Неодинаково переводились испытуемыми и некоторые однозначные слова. Напр. слово «пшеница» было переведено 6-ю вариантами — „javai“, „kviečiai“, „pšeno kruopos“, „kviečių kruopos“, „grūdai“, „kruopos“. Можно предполагать, что эти различия в понимании слов возникают как от различного языкового опыта отдельных испытуемых, так и от индивидуальных особенностей их памяти.

*   *
*
*
*

Итак, наши исследования показывают, что в памяти обучаемых индивидов зафиксированный «словарь» второго языка в семантическом отношении во многом отличается от обычных двуязычных словарей, составляемых в письменном виде или при помощи современных технических средств. В процессе усвоения объективных значений слов второго языка, кроме точных, соответствующих объективным, наблюдаются следующие виды субъективных значений слов: 1) расширенное значение, 2) суженное значение, 3) ошибочное значение, 4) гипотетическое значение. Эти значения определяют отличия субъективной семантики языка от объективной его семантики. Чем больше будет отличаться субъективная семантика от объективной, тем больше это будет мешать взаимопониманию при общении средствами данного языка. Поэтому в процессе обучения второму — русскому языку и в обучении иностранным языкам необходимы специальные усилия, чтобы субъективная семантика нового языка учащихся быстрее приближалась к общепринятой в данном языке семантике.

Выявленные особенности усвоения семантики слов нового языка должны способствовать педагогам лучше управлять процессом овладения семантикой любого для учащихся нового языка. Мне представляется, что прежде всего в процессе обучения языкам необходимо больше контролировать понимание учащимися языковых форм, больше внимания

уделять развитию правильных языковых аналогий, гипотез, анализа и различения языковых форм и значений и других умственных действий учащихся, связанных с усвоением семантики языка.

ШПИ
Кафедра психологии
и дефектологии

Поступило
в октябре 1964 г

KAI KURIE ANTROSIOS KALBOS ŽODŽIŲ SEMANTIKOS ĮVALDYMO YPATUMAI

A. JACIKEVIČIUS

Re z i u m ė

Siame straipsnyje apibendrinti lietuvių studentų ir vidurinių mokyklų vyresniųjų klasių moksleivių atmintyje užsifiksavusios antrosios — rusų — kalbos žodžių semantinės pusės tyrimai.

Eksperimentiniai duomenys rodo, kad besimokančiųjų atmintyje užfiksuota subjektyvi antrosios kalbos žodžių semantika nesutampa su objektyvia tų žodžių semantika. Dvikalbiai „žodynai“ moksleivių atmintyje iš esmės skiriasi nuo įprastų spausdintų ar elektroninėse vertimo mašinose modeliuojamų žodynų.

Istoriškai susiformavusių, objektyvių antrosios kalbos žodžių reikšmių įvaldymo procese nustatytos šios svarbiausios subjektyvios reikšmės: 1) tiksli (atitinkanti objektyvią), 2) išplėstinė, 3) susiaurinta, 4) klaidinga, 5) hipotetinė.

Antrosios kalbos semantikos formavimosi dėsningumai rodo, kad naujos kalbos mokymo procese reikia skirti daugiau specialių pastangų ryšių tarp ženklų ir prasmų nustatymui.